

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

АНДРЕЙ
ЗАРИН

В поисках убийцы

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-34

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Зарин, Андрей Ефимович.
З-34 В поисках убийцы / Андрей Зарин. — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-223198-8

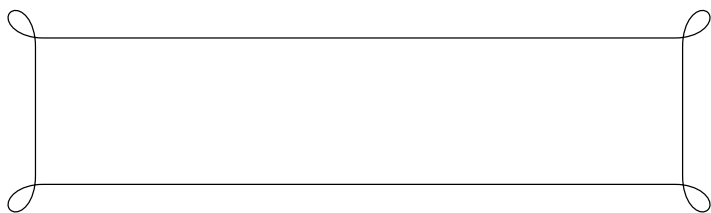
Андрей Зарин (1862–1929) — журналист, писатель исторических и уголовных романов.

Петербург, 1910-е годы. Город потрясает жестокое убийство: вдова купца Коровина найдена расчлененной. Части тела обнаруживают по отдельности, а голова жертвы приходит в посылке. Несмотря на старания сыскальной полиции, следствие заходит в тупик. Единственная надежда — легендарный сыщик Патмосов, который начинает собственное расследование.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-223198-8

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

I

СТРАШНЫЕ НАХОДКИ

Было раннее морозное утро, когда Тишка, с крючком на руке и мешком под мышкой, прошел по Зелениной улице, что на Петербургской стороне, юркнул в ворота дома купца Пузикова, деловым шагом прошел первый двор, на котором два младших дворника готовились таскать дрова по квартирам, и в самом конце двора нырнул за каменный флигель, где очутился подле выгребной ямы, зловонные испарения которой сковал мороз.

Тишка, мальчуган лет двенадцати, в стоптанных валенках с огромных мужицких ног, в рваном вонючем полушубке, в теплой шапке, повязанной каким-то тряпьем — не то остатками башлыка, не то серой штаниной, с деловым видом шмыгнул носом, бросил на пол мешок, поднял крышку ямы, для чего-то крепко, по-извозчичьи выругавшись, и влез в нее.

С деловым видом Тишка запустил свой крючок в мусор и стал разворачивать и разбирать его с видом

знатока. Вот пузырек от одеколона, банка от мази, да еще фарфоровая, сбитый башмак, жестянка, кости, тряпки. Тишка извлекал из общего мусора и выбрасывал их в мешок, лежавший подле ямы.

Куча росла. Летом работа шла бы более быстро, потому что тогда каждая вещь сама по себе — бери только. Теперь же самые разнородные предметы холод спаял в один комок, и Тишке приходилось разбивать такие комки крючком или разламывать их руками. Но добыча все же оказывалась немалая.

Вдруг его крючок вонзился во что-то мягкое и большое.

Тишка запустил его поглубже, ухватился за палку и стал тянуть, отрывая добычу от примерзшего мусора.

Вот из кучи выдвинулся большой кусок словно бы мерзлого мяса. Тишка напрягся. Еще, еще... Тишка рванул и вдруг, выпустив крючок из рук, с искаженным от ужаса лицом в один миг вылетел из ямы, но вместе с тем не мог отвести взор от страшного предмета, извлеченного им из мусора.

То, что он вытащил теперь, совершенно выходило из области его практики и привело его в ужас.

Поверх ямы с вонзенным в мясо крючком тряпичника лежала согнутая в колене человеческая нога — одна нога. На ней был белый нитяный чулок, перевязанный красной тесемкой под коленом, а с другой стороны — рваное мясо и кусок расщепленной кости.

Тишка вдруг завизжал и, оставив мешок и кучу собранного им мусора, бросился во двор, где работали дворники.

В его визге было что-то такое, что дворник Дмитрий, с полным равнодушием слушавший вопли избиваемого под воротами участка лихого мазурика, отодвинулся от вязанки дров, которую собирался взвалить на спину, и двинулся к вопившему Тишке.

— Чего ты? — спросил он, когда тряпичник ткнулся ему в ноги.

— Там... там... и-и-и-о-ой! — провизжал Тишка.

— Что там? Где? Ишь, непутевый! — с недоумением проговорил Дмитрий.

— Чего он? — выбежав из дверей черной лестницы, спросил его другой дворник.

— А шут его знает! Надо быть, напугался чего, — ответил Дмитрий, — ишь ведь.

Тишка при виде обоих дворников начал успокаиваться.

— Там ворошил, — кивая головой в сторону выгребной ямы, сказал он голосом, полным ужаса, — и вдруг... нога...

— Нога? — воскликнул прибежавший дворник и весело загоготал: — Сама собой? Го-го-го!

— Ишь, что почудилось! — сказал Дмитрий. — Ну, ну, пойдём! Где нога?

Оба дворника двинулись к выгребной яме, а Тишка поплелся за ними.

На дворе показалась горничная в байковом платке.

— Анфиса Алексеевна, — закричал веселый дворник. — Пожалте ногу смотреть!

— Какую там ногу? — весело выкрикнула горничная.

— Самую заправдашную, вроде привиденья, — ответил дворник.

— А ну вас! — отозвалась горничная, однако поправила пококотливее платок на голове и двинулась за дворниками.

Они зашли за флигель, подошли к выгребной яме и отпрянули от нее все трое, а Тишка в отдалении защелкал зубами. Горничная огласила двор пронзительным криком, веселый дворник словно онемел, а Дмитрий взмахнул руками и глухо произнес: «Вот те как! Нога! И впрямь нога!» Но через мгновение он очнулся, быстро схватил Тишку за шиворот и деловито сказал веселому дворнику:

— Беги сейчас, зови старшого, а я тут побуду. А ты никуда! — обратился он к Тишке. — Потому ты нашел, тебе и отвечать.

Дворник бегом пустился за старшим, горничная продолжала визжать, Тишка ревел во весь голос, а Дмитрий задумчиво глядел на отрубленную ногу в нитяном чулке с вонзенным в нее крючком тряпичника.

Почти в то же время и почти то же самое произошло и на дворе в доме под № 68 на богатой Сергиевской улице. Только в куче мусора оказалась не нога, а рука, и нашел ее не глупый Тишка, а смышленный парень Григорий Силантьев.

Увидев такую находку, он поспешно положил в свой мешок все добытое им из ямы, перекинул мешок через плечо, неторопливо прошел через двор, вышел из ворот и уже тогда задал тягу. Рука, отрезанная по самое плечо, с судорожно сжатыми пальцами, промерзлая, лежала поверх мусора в яме.

Великолепный дог генерала Чупрынина совершал свою утреннюю прогулку. Обнюхав и исследовав все углы и тумбы переднего двора, он забежал на задний, заглянул там в выгребную яму, прельстился недвижно лежащей рукой и, ухватив ее в свою громадную пасть, степенной рысцой побежал со двора на лестницу, в кухню, в расчете позавтракать мясным блюдом.

Генерал Чупрынин вставал рано. Денщик обычно растирал его ледяной водой, после чего генерал умывался, садился в кабинете к круглому преддиванному столу и за стаканом крепкого кофе читал «Новое время».

В это утро Чупрынин выпил уже с полстакана кофе, прочел телеграммы и только что приготовился к высокому наслаждению, которое он всегда испытывал от чтения статей Меншикова, как вдруг из кухни раздался такой невероятный визг, что генерал отбросил газету и вскочил с кресла.

— Безобразие! — пробормотал он и нажал кнопку звонка.

Денщик очутился в кабинете раньше, чем раздался звонок.

— Ты опять там, каналия?.. — начал генерал, но, увидав растерянное лицо денщика, переменял тон и спросил: — Что такое?

— Так что, ваше превосходительство, Милорд руку ест, — пробормотал денщик.

Из кухни раздавались истеричные вопли. Генерал встрепенулся.

— Взбесился, что ли, и грызет?

— Так что, ваше превосходительство, со двора принес и ест.

— Что? — остолбенел генерал. — Со двора руку?

— Так точно-с! — дрожа подтвердил денщик.

— Что за черт! — выругался генерал.

— Серж, что там такое? Какой-то ужас! — проговорила генеральша, выглядывая из спальни.

— Глупость какая-то! — ответил генерал, быстро шагая к кухне, откуда неслись плач и вопли.

Горничная визжала в истерике, толстая кухарка хлопала себя по бедрам и не своим голосом кричала:

— Отдай! Отдай, отдай!

Из-под стола слышалось сердитое рычание огромного дога.

Генерал крикнул на безумно вопивших: «Молчать!» — что, однако, не возымело никакого действия, и нагнулся, чтобы заглянуть под стол.

Дог зарычал еще грознее.

Генерал невольно отпрянул. Под передними лапами собаки лежала человеческая рука, отрезанная по самое плечо. Дог успел вырвать из нее кусок мяса.

Через мгновенье генерал очнулся.

— Дай кочергу! — скомандовал он денщику. — Бери щетку! Отнимай у него! Милорд, иси, брось! Я тебе!..

Голос Чупрынина гремел как труба; горничная визжала; кухарка бессмысленно вопила: «Отдай, отдай!»; генерал стучал кочергой, денщик — щеткой; собака рычала.

Генеральша не выдержала, и из ее спальни послышались крики:

— Мадемуазель!.. Спрячьте детей! Серж! О Боже!..

Собака с окровавленной мордой была выгнана на лестницу: денщик вытащил щеткой руку на середину кухни, и генерал с нахмуренным лицом созерцал и обонял ее, так как она успела уже оттаять и потемнеть.

Женщины пришли в себя и робко прижались к углу кухни, всхлипывая от волнения.

— Зови старшего дворника! — крикнул генерал денщику. — Это — правая рука какой-то женщины, несомненно убитой, — заключил он. — Руки не трогать с места! — сказал он горничной и кухарке, теперь онемевшим от ужаса, и пошел из кухни успокаивать свою супругу.

II

СТРАШНЫЙ БАГАЖ

Найденные рука и нога побывали в участках, а затем с соответствующими протоколами были препровождены в прозекторскую Обуховской больницы. Теперь они лежали на клеенке, обложенные льдом, посиневшие, страшные ужасом того преступления, которое было совершено над их владельцем.

Почти весь штат сыскной полиции, доктора и следователь собрались у страшных находок. Начальник сыскной полиции держал в руках протоколы полиции и делился мыслями со следователем.

— Да, — сказал он, хмурия белые брови, — несомненное преступление.

— Несомненное, — подтвердил и следователь.

— И преступник очень ловкий, вроде Джека-вспарывателя. Репортеры были? — обратился он к агентам.

— Заходили двое, обещали прийти еще раз, — доложил молодой человек с прыщами на лице.

— Тайн никаких, — сказал начальник. — Рассказывайте всем.

— Слушаю-с! — ответил молодой человек.

— Фотографии сняли? — спросил начальник у помощника.

— Во всех видах, — ответил тот, плотный, коренастый господин, похожий на фельдфебеля в отставке.

— Ногу в чулке и без чулка?

— Так точно-с.

— И руку?

— И руку.

— А опрос сделали? — обратился начальник сыскной полиции к агентам, в участках которых были сделаны страшные находки.

— Так точно-с, — ответили в голос оба агента; один — маленький, рыжий, в веснушках, другой — высокий, тощий, как голодающий индус, и черный, как жук.

— Так. А измерение и описание?

— Сделаны.

— Ну, проверим, — сказал следователь и взял протоколы врачей; начальник развернул протоколы полиции, а помощник вынул из кармана два листка. — «Нога, — сказал следователь, смотря на протокол. — Левая нога, отрезанная от трупа женщины неискусной в операции рукой. По виду ноги владелица имела около тридцати лет». Ну, это — их специальность, — пробормотал следователь. — А вот, — и он начал читать: — «Согнута в колене, под углом в сорок градусов».

— У меня тридцать шесть, — сказал начальник.

— Видите ли, — объяснил его помощник, — она была мерзлая, потом оттаяла, потом ее мерили и согнули, когда замораживали. Вот-с.

Начальник кивнул головой.

— Ну, это не нужно. Дальше!

— «Кожа ровная, гладкая, на мизинце мозоль, под коленом родимое пятно, величиной с серебряный пятак», — продолжал следователь.

— Верно-с!

— «Выше колена повреждение, причиненное острым орудием...»

— Это Тишка-тряпичник крючком, — пояснил рыжий агент.

— Ну, ну, — недовольно произнес следователь и продолжал: — «Уж над мертвой ногой, причем вырван кусок мяса. Нога отделена от паха сначала острым орудием, а затем кость грубо перебита топором

или сечкой, отчего конец ее неровен и расщеплен. Длина ноги от конца кости до ступни один аршин четыре вершка».

— Верно, четыре вершка, — подтвердил помощник.

— «Рука, — продолжал следователь, — правая, несомненно женская, отделена от плечевого сустава грубо и неумело. Длина от конца расщепленной кости двенадцать вершков с половиной».

— Верно.

— «Выше локтя рана, очевидно сделанная зубами собаки».

— Генеральская собака, — сказал помощник.

— И все.

— Однако немного, — сказал следователь и задумался.

А начальник решительно произнес:

— Непременно надо найти правую ногу и левую руку.

Агенты смущенно переглянулись.

— Да, да! Осмотреть все выгребные ямы! Мы найдем этого злодея, — и начальник поднял палец.

— Что же, — сказал следователь, вздохнул и закрыл портфель, — нам, пожалуй, делать здесь нечего. Едем?

— Я тоже, — сказал начальник.

— Что прикажете делать с рукой и ногой? — спросил фельдшер.

— Пусть полежат пока, — ответил следователь. — Так я пошел.

— Всего лучшего! — распрощался с ним начальник сысской полиции и сказал помощнику: — И мы домой!

Они уехали в свое управление.

Едва начальник вошел в кабинет, как пред ним явился дежурный чиновник.

— Что такое? — недовольно спросил начальник.

— Сообщение по телефону, — ответил дежурный, — от жандармского управления Варшавского вокзала.

— Ну, в чем дело?

— В Вильну пришел багаж, а в нем голова и рубленое мясо.

— А, — взволнованно воскликнул начальник, — вот и след. Это от той же женщины. Ну, что дальше?

— Его переслали сюда, а нас спрашивают.

— Сюда доставить, доставить немедленно! Чухарев, поезжайте вы, — закричал начальник, обращаясь к рыжему агенту.

Тот от радостного волнения застегнул пиджак на все пуговицы и воскликнул:

— Лечу, лечу... в один миг.

— И сейчас же мне доложите, — сказал начальник. — Известите по телефону следователя и прокурора.

Чухарев умчался.

Начальник вышел в общую комнату и обратился к помощнику:

— Август Семенович, пойдете-ка! — и снова направился в кабинет.

Оставшиеся агенты ожили.

— Без Патмосова не обойтись, — сказал молодой человек в прыщах.

— Уж будто? — отозвался черный агент.

— Кто же найдет?

— А хоть бы я? — ответил тот.

— Нет, это не так легко. Если бы какой след, а то на — рука и нога, — сказал пожилой агент. — Над этим и сам Путилин¹ задумался бы.

— А Патмосов найдет, — с уверенностью повторил прыщавый молодой человек.

— Тот может, — согласились все.

Между тем начальник с помощником сидели в кабинете, курили и обменивались впечатлениями.

— Вот случай! — возбужденно и радостно говорил начальник. — Преступление — и никакого следа. Интересно, как бы справился тут Путилин?

— Гм... — пробурчал помощник, дымя папиросой. — И нам, пожалуй...

— А мы найдем, — воскликнул начальник. — Нынче для этого нужны совсем другие приемы, мой милый Август Семенович; мы, сидя здесь, в кабинете, доберемся. Да.

— То есть как же?

Лицо начальника просияло; он закурил новую папиросу, откинулся на спинку кресла и почти крикнул:

¹ Знаменитый русский представитель сыскного дела, долгое время бывший начальником сыскного отделения в Петербурге и выяснивший массу весьма сложных, загадочных преступлений. — *Прим. авт.*

— Умом, Август Семенович, умом! Путилин и Леокии всякие чутьем брали, а мы — умом. Да!.. Найдем эту женщину.

— А как найдем?

— Кусочками. Вот теперь еще голова, а там руку, ногу...

— А потом?

— Восстановим ее, а там — кому нужна ее смерть, и дальше, дальше...

Помощник, выпустив струю дыма, покрутил головой, не смея спорить со своим начальником.

А в это время Чухарев уже летел обратно в канцелярию с новой страшной находкой, завернутой в две рогожи. Он выскочил из саней у подъезда, суетливо приказал сторожам вынуть поклажу и бросился в кабинет начальника.

— Привез, — заявил он, тяжело переводя дух. — Вот протокол и донесение, — и он подал бумаги.

— Надо подождать прокурора и следователя, — сказал начальник. — Обуза! — и он вздохнул.

Товарищ прокурора и следователь приехали почти тотчас. Все прошли в общую комнату, где их уже ожидала коробка с почтовым извещением:

«Большой скоростью. Город Вильно. Станиславу Личинскому. Немецкая улица, № 68».

Со всех сторон было написано: «Осторожно».

— А что там? — спросил начальник, указывая на коробку.

Чухарев вздрогнул и заморгал.

— Вскройте! — приказал следователь.

Сторожа привычной рукой сняли веревки, ловко вспороли клеенку и раскрыли большую коробку, из тех, в каких портнихи возят платья.

— Крышку!

Сторожа расстегнули ремень, сбросили крышку и отшатнулись с побледневшими лицами. По комнате распространился тяжелый запах разлагающегося трупа.

Товарищ прокурора, следователь и начальник с помощником приблизились к коробке и, нагнувшись, заглянули в нее. Было от чего содрогнуться даже привычному человеку. Наполнившие комнату агенты поочередно подходили, заглядывая из-за спины начальства, и в ужасе отшатывались.

В коробке стояла большая, глубокая глиняная чашка овальной формы, наполненная кусками рубленого мяса, и на этой гряде кровавого, почерневшего мяса лежала безногая голова с выражением безмятежного покоя на обезображенном лице; темно-русые волосы покрывали часть страшного мяса.

— Необходим доктор, — сказал начальник. — Вызовите по телефону!

Все в сыском отделении пришло в волнение. Сверху спустили фотографа с камерой и стали снимать страшный багаж с боков и сверху. Все служащие перебивали в комнате и заглянули в коробку.

Наконец приехал доктор, и начались осмотр и подробная опись страшной посылки.

— Редкое, исключительное дело, — произнес следователь. — Помню, было когда-то убийство Зона, после того еще два случая посылки трупа багажом, но такого изуверства не было.

— Что-то невероятно злодейское, — возмутился молодой товарищ прокурора. — Вы, доктор, говорите, молодая женщина?

— Лет тридцати.

— Рука и нога, несомненно, ее, — воскликнул начальник сыскной полиции.

— Ясно, ясно, — подтвердил его помощник.

— Что это — сумасшествие, безумная месть или ревность? — мечтательно заговорил товарищ прокурора. — Ужасно!

Следователь со спокойным лицом быстро писал, составляя протокол.

— И пахнет же! — сказал он, ставя точку и кладя перо.

— Необходимо отправить в прозекторскую, — произнес доктор, — я произведу анализ и исследование.

— Просто в чашке?

— Понятно. Это все остается вам.

— И никаких следов! — воскликнул начальник полиции. — Я думал, что по голове узнаем жертву, но лицо так обезображено...

— А коробка, веревка, клеенка? — сказал следователь.

— Мало ли их? Преступление совершено не ранее, как неделю назад. Следов нет, — произнес

начальник, покачав головой, и шепотом прибавил помощнику: — Но мы их придумаем и найдем.

На другой день столичные газеты были полны описаниями страшных находок, багажа и всего темного кровавого дела. Даже так называемые большие газеты выделили это происшествие из обычной хроники, а мелкая пресса посвятила ему целые столбцы.

Кухарки, горничные и швеи взвизгивали и закрывали лицо руками, когда в мелочной лавке бойкий приказчик читал кровавые описания. Дворники, лакеи и писари с деловым видом обсуждали это происшествие. То же, в немного измененном виде, происходило и в семьях чиновников среднего круга, и в салонах высшего круга.

III

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Присяжный поверенный Алексей Петрович Горянин праздновал двадцатую годовщину своей свадьбы. Хотя это событие в течение остальных дней в году и сам Горянин, и его жена признавали за несчастье своей жизни, все же они праздновали его, пользуясь случаем устроить необходимую для связей вечеринку. А на этот раз Горянин только что получил хороший гонорар и сделал вечер, не скупясь на расходы.

Большой зал, гостиная, кабинет и даже спальня, обращенная в карточную, не считая столовой, были ярко освещены и предоставлены гостям, которые си-